

З. А. Харитончик (Минск)

### ГЛУБИННЫЕ СМЫСЛЫ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Свои размышления о глубинных смыслах языковых единиц хотелось бы начать со ставших хрестоматийными примеров типа приводимого Е. А. Земской словосочетания *автомобильные деньги*, смысл которого вне более широкого контекста невозможно расшифровать. Данное словосочетание может означать: ‘деньги, накопленные на покупку автомобиля’, ‘деньги, полученные за проданный автомобиль’, ‘деньги, найденные в автомобиле’, ‘деньги, забытые или спрятанные в автомобиле’ и т. д. и т. п. Интересен и другой пример Е. А. Земской: *лесной дом* – ‘дом, находящийся в лесу’, *лесной пожар* – ‘пожар, при котором горит лес’, *лесные сказки* – ‘сказки о лесе или об обитателях леса’ [1, с. 187–189], также демонстрирующий семантическую сложность, скрывающуюся за одной и той же лексической единицей. Еще более подробно анализирует комбинаторику слова *лесной* Е. С. Кубрякова, раскрывая на примере словосочетаний *лесная поляна*, *лесная полоса*, *лесные материалы*, *лесное хозяйство*, *лесной воздух*, *лесной массив*, *лесные насаждения*, *лесной склад*, *лесная промышленность* некомпозиционность их семантики [3, с. 66–67]. И вовсе не просто, как мы пытались показать на примерах прилагательных *дубовый* (*дубовая роща*, *дубовая мебель*, *дубовый веник*, *дубовые яблоки*, *дубовый стиль*, *дубовая голова*), *березовый* (*березовый лесок*, *березовый веник*, *березовый паркет*), *вишневый* (*вишневый сад*, *вишневое варенье*, *вишневое платье*, *вишневый мебельный гарнитур*), *гусиный* (*гусиная ферма*, *гусиная перина*, *гусиный паплет*, *гусиная кожа*) и т. д. [8, с. 76–77], объяснить многоплановость семантических интерпретаций данных атрибутивных сочетаний возможной многозначностью входящих в их состав производных прилагательных, ибо к данным прилагательным

также применима семантическая интерпретация как моносемантических единиц, обусловленная синкретической природой семантики их производящих баз [7]. Продолжая перечень языкового материала, привлекающего внимание исследователей в аспекте его семантической сложности, следует привести и анализ в совсем уже близком нам по времени докладе А. К. Киклевича названия картины И. И. Шишкина «Корабельная роща» как амбисемии в словообразовании [2]. Кажется справедливым вывод Е. А. Земской о том, что число потенциальных признаков, возникающих на базе связей и отношений, обозначаемых относителем прилагательными, велико и «в принципе не поддается точному учету» [1, с. 188].

Однако не менее сложными для семантического анализа оказываются, как о том свидетельствуют их описания в лингвистических трудах, и словосочетания с качественными прилагательными типа *красный карандаш, высокий человек, высокое дерево, глубокое озеро, глубокий колодец* и многие другие, для адекватного понимания которых необходимо не только знать значения употребленных прилагательных, но и иметь представление о том, к какой части денотата относится атрибут, или о норме параметрических измерений по отношению к определенным денотатам, т. е. знать то, что не заложено в лексических значениях, по крайней мере, в их лексикографических дескрипциях, которые или просто отсылают к имени существительному, скрывающемуся за формой прилагательного (относительные прилагательные), или к эталонам качества (качественные прилагательные).

Можно заключить, что атрибутивные словосочетания в подавляющем своем большинстве формируют поле некомпозиционных словосочетаний, к которым не применимы постулируемые Г. Фреге правила сложения значений их конститuentов. Уместно здесь вспомнить и слова Л. В. Щербы о том, что сложение смыслов «дает не сумму смыслов, а новые смыслы» [9, с. 24].

К этому выводу приходят и многочисленные зарубежные исследователи, рассматривающие разный языковой материал, прежде всего субстантивные словосочетания, в первую очередь N + N типа, сложные слова и т. д. в немецком, английском и других языках. Думается, что атрибутивными конструкциями не исчерпывается множество некомпозиционных сочетаний, что еще более усиливает значимость решения данной проблемы.

Естественно, что ключ к решению глобальной проблемы порождения смысла высказываний в целом и к решению проблемы семантиче-

ского описания некомпозиционных словосочетаний, а также производных единиц разного типа, к которым тоже применимы понятия семантической композиционности/некомпозиционности, в частности ученые стали искать в первую очередь среди предикатов, репрезентирующих не выраженные эксплицитно, но существенные для семантики целого отношения между сочетающимися единицами. Не останавливаясь подробно на полученных результатах в русистике (см., например, работы Н. Ю. Шведовой, Е. А. Земской) и германистике (труды Х. Маршана, П. Даунинг, Дж. Ливай, З. А. Харитончик и др.), скажем, что этот важный шаг для описания указанных сочетаний и раскрытия семантики атрибутивных сочетаний и их компонентов – относительных прилагательных и существительных – не решил всех проблем. Он, однако, сделал очевидным, что решение данного вопроса предполагает не только реконструкцию предикатов, что, несомненно, необходимо для декодирования данных единиц, но и раскрытие характера связи и репрезентации лексической единицей концептуальной структуры, широко и активно обсуждаемой в современной лингвистике, особенно в трудах когнитивистов.

О понятийной детерминированности семантики лексической единицы семасиологи писали всегда. И потому тезис о тесной и неразрывной взаимосвязи семантики слова с концептуальной (в более ранних работах – понятийной) структурой, принимаемый в качестве основного постулата современной когнитивной науки, кажется многим тривиальным. Соответственно ключевая мысль Р. Лангакера о том, что «значение приравнивается концептуализации. Лингвистическая семантика поэтому должна предпринять структурный анализ и эксплицитное описание абстрактных сущностей, таких как мысль и концепты»<sup>1</sup> [12, р. 2], как утверждение о неразрывной связи концептуальных (понятийных) структур нашего сознания со значениями языковых единиц, действительно, не нова. Излишне приводить практически необозримый список имен философов, психологов, семиологов, лингвистов, в трудах которых принимается и раскрывается так или иначе данный постулат.

Новым, на наш взгляд, является, во-первых, видение данной неразрывной связи как основания для функциональной интерпретации

---

<sup>1</sup> Meaning is equated with conceptualization. Linguistic semantics must therefore attempt the structural analysis and explicit description of abstract entities like thoughts and concepts.

языковых единиц с их значениями как «points of access» ‘точек доступа’ к концептуальным структурам, как «окна» в наш ментальный мир, что придает лингвистическим изысканиям особую методологическую ценность. Новым, по нашему мнению, предстает и интерпретация значения как конструкта, формируемого на базе богатой концептуальной структуры, с вытекающей из этого трактовкой значения как динамического образования, которое своеобразно предстает в разных контекстах, по-разному актуализируя и репрезентируя лежащую в ее основе концептуальную структуру. В высказывании Р. Лангакера важным представляется не столько тезис о связи значения и концептуальных структур, сколько утверждение о том, что «семантические структуры характеризуются соотносительно с когнитивными доменами и **приобретают свою значимость, конструируя содержание этих доменов специфическим образом**»<sup>1</sup> (выделено нами – З. Х.) [11, р. 1]. В этом, на наш взгляд, и заключается нестандартный подход когнитивной грамматики к лингвистической семантике.

Вытекающим из основного посыла и соответственно также новым кажется и отказ от попыток провести различительную грань между семантикой и прагматикой. Жесткой критике сегодня подвергаются основные направления дифференциации семантики и прагматики, которые в описании Дж. Лайонза проходят по следующим линиям (назовем только некоторые): 1) семантика имеет дело со значением, а прагматика с употреблением, 2) семантика имеет дело с конвенциональными, а прагматика с неконвенциональными значениями, 3) семантика имеет дело с буквальным, а прагматика с небуквальным значением, 4) семантика имеет дело с контекстуально независимым, а прагматика с контекстуально зависимым значением<sup>2</sup> [14, р. 157]. Данные утвер-

---

<sup>1</sup> Semantic structures are characterized relative to cognitive domains, and derive their value by construing the content of these domains in a specific fashion.

<sup>2</sup> 1) «...semantics has to do with meaning, and pragmatics with use...», 2) «...semantics has to do with competence, and pragmatics with performance...», 3) «...semantics has to do with the conventional, and pragmatics with the non-conventional, aspects of meaning...», 4) «...semantics is a matter of rules, and pragmatics of tendencies, principles, maxims or strategies...», 5) «...semantics deals with truth-conditional, and pragmatics with non-truth-conditional, meaning...», 6) «...semantics deals with literal, and pragmatics with non-literal meaning», 7) «...semantics has to do with the meaning of sentences, and pragmatics with the meaning (or interpretation) of utterances...», 8) «...semantics deals with context-independent, and pragmatics with context-dependent, meaning» [14, р. 157].

ждения Дж. Лайонза рассматриваются как попытки уйти от онтологических характеристик значения (внутренне присущей ему диффузности и неопределенности) и, по образному выражению И. Бар-Хиллела, выкинуть некоторые типы значения в мусорную корзину прагматики. На смену желанию строго разграничить семантику и прагматику пришло понимание семантики языковых форм не как «аккуратно упакованных узлов значения» (словарный подход), а энциклопедических по своей природе образований [10, р. 160], что снимает, в свою очередь, противопоставление лингвистического и энциклопедического знания в семантике языковых единиц.

Новая методологическая платформа с ее новыми установками повлекла за собой и широкую программу новых задач как методологического, так и собственно лингвистического плана, из которых хотелось бы поставить на обсуждение следующие: 1) для всех ли языковых единиц релевантно не только наличие концептуального ядра, но и гаммы так называемых, вслед за Д. Болинджером, латентных признаков – компонентов концептуальной структуры, до определенного времени как бы спящих и ожидающих своего часа актуализации в соответствующих контекстах; 2) каковы типы латентных признаков и 3) каковы условия их актуализации.

В данной работе сделана попытка показать, что, во-первых, так называемые латентные признаки присущи далеко не всем лексическим единицам. Наше знание об окружающем мире различается в зависимости от значимости объектов в сфере нашей деятельности, что влечет за собой и кардинальные различия в объемах знаний, заключенных в концептуальных структурах. В одних случаях это чрезвычайно богатые и информационно насыщенные разветвленные структуры, в других – они сводятся к некоторым категориальным характеристикам, определяющим принадлежность объектов и/или их свойств и отношений к тому или иному классу. Возьмем, например, наименования лиц по родству. Богатством концептуальных структур, несмотря на общую бедность лексикографических описаний этих релятивных слов, для которых устанавливается только отношение лица к детям или детей между собой (ср. *отец* ‘Мужчина по отношению к своим детям’, *мать* ‘Женщина по отношению к своим детям’, *брат* ‘Сын тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям’, *сестра* ‘Дочь тех же родителей или одного из них по отношению к другим их детям’ [4] (ср. их определения в других словарях), могут «похвастаться» только ядерные члены. Развитие полисемии, смыслы, передаваемые

дериватами, и контекстуальные данные однозначно свидетельствуют о том, что в этих словах в разных контекстах на передний план вытягивается не только и даже не столько информация о генетической взаимосвязи, а о моральных и поведенческих характеристиках, таких как: забота, защита, любовь, доброта, нежность, мягкость, т. е. тех качествах, которые мы ожидаем увидеть у хороших отца и матери, или таких свойствах, как лояльность, заинтересованность, дружба, понимание и другие, присущих хорошим братьям и сестрам. См., например: *отцовский*, -ая, -ое. 1. См. отец. 2. Свойственный отцу, такой, как у отца. *Отцовские чувства*. *Отцовское отношение наставника к ученикам*. *По-отцовски* (нареч.) *относиться к кому-н.*; *материнский*, -ая, -ое. 1. См. мать. 2. Свойственный матери, такой, как у матери. *Окружить кого-н. материнской любовью, заботой*. *По-матерински* (нареч.) *относиться к кому-н.*; *братский*, -ая, -ое. 1. Свойственный брату, родственный. *Братская любовь*. 2. Глубоко дружеский, близкий, родственный по духу. *Братский союз*; *сестринский*, -ая, -ое (к 1 и 3 знач.) и *сестрин*, -а, -о (к 1 и 3 знач.). *Сестринские чувства* (также перен.: такие, как у сестры к брату) [4]. Ср. также англ. *fatherly* 'kind and gentle in a way that is considered to be typical of a good father', *motherly* 'a motherly woman is loving and kind, like a good mother', *brotherly* 'showing feelings of kindness, loyalty etc. that you would expect a brother to show', *sisterly* 'typical of a loving sister – a sisterly kiss'; *brotherhood* 'a feeling of friendship between people – the spirit of brotherhood', *sisterhood* 'a special loyal relationship among women who share the same ideas and aims, especially among feminists' [13]. Наше знание о родных включает также, как подсказывают контекстуальные данные, и знание об отцовской строгости и материнском деспотизме, братской ненависти и соперничестве, ссорах и т. д. и т. п., т. е. строится не только на представлениях-идеалах, но и некоторых стереотипах и реальном поведении. Думается, что именно по линии типичного и индивидуального будет осуществляться дифференциация референтного и нереферентного употреблений наименований лиц по родству и производных от них слов (ср. *отцовский* (*пиджак, портфель, нос*) и др. и *отцовский взгляд, отцовская любовь* и др., для которых возможна не всегда разрешаемая даже контекстом неоднозначность).

Картина резко меняется, если обратиться к наименованиям лиц по родству, отстоящих на одну и тем более на две-три ступеньки от непосредственной кровной связи. *Племянник, племянница, кузен, кузина, деверь*, несмотря на то что в реальной жизни они могут проявлять са-

мые теплые чувства к своим родственникам, не осознаются как типичные носители тех или иных характеристик, и соответственно круг латентных признаков, если он вообще им присущ, чрезвычайно узок.

Любопытны в этом плане данные, полученные в исследовании прагматических характеристик, свойственных наименованиям живых существ (как лиц, так и животных), в английском и белорусском языках [6]. Согласно данным М. В. Турчинской, эти характеристики выявляются лишь у незначительного числа членов данной категории. Исследование семантики и функционирования наименований животных, значительно превосходящих наименования лиц по диапазону своих характеристик, приводит к тому же выводу. О том, что не всем лексическим единицам присущи латентные признаки, свидетельствуют и наблюдения В. В. Тура о соотношении композиционных и не-композиционных атрибутивных словосочетаний  $N + N$  в современном английском языке [5]. Значения подавляющего большинства (более 75 % данных конструкций), в отличие от композиционных словосочетаний, не выводятся из лексических значений составляющих их единиц и отношений между ними, но требуют актуализации каких-то дополнительных знаний, иными словами, глубинных смыслов, скрытых за языковыми формами. 25 % конструкций (а это не так уж мало) не требуют обращения к латентным признакам в семантике своих составляющих весьма часто, по-видимому, потому, что их в значениях этих (преимущественно предикатных и соответственно моносемантических) слов, как в свое время убедительно продемонстрировала Н. Д. Арутюнова, нет. Полученные данные делают определение языковых единиц, характеризующих латентными признаками, выявление их корреляции с денотатной или предикатной природой языковых знаков и т. д. актуальной задачей.

Важным аспектом описания глубинных, или латентных, признаков в семантике языковых единиц становится разработка их типологии и установление условий их актуализации. Тот факт, что коммуниканты успешно справляются с задачей семантического декодирования сочетаний языковых единиц, требующей установления актуализируемых латентных признаков, заставляет предположить следующее. Думается, что в основе этого успеха лежит то чрезвычайно важное обстоятельство, что из всех возможных знаний о мире для семантики сочетаний релевантными оказываются только определенные типы информации. Из этого несомненную актуальность приобретает изучение, в первую очередь, состава знаний, входящих в концептуальный стержень, или

модель значения (в интерпретации Дж. Пустейовского, А. Вежбицкой, Е. В. Рахилиной и др.), и знаний, расширяющих такие типы знаний, как телические, пространственные, количественные, конститутивные, перцептивные и др. Структуризация знаний и разграничение в них знаний ядерных, значимых, салиентных, реализуемых чаще всего, и знаний периферийных, вторичных, требующих для своей актуализации особых ситуаций, – еще одна актуальная задача, равно как и исследование специфики выбора определенных типов знаний для сочетаний того или иного вида.

Уже из приведенных ранее примеров становится очевидным, что наименования лиц несут в своей семантике и сведения о некоторых моральных и поведенческих свойствах. В семантике наименований животных к ним прибавляется знание о физических признаках, т. е. перцептивных признаках. Иначе говоря, реестр признаков, хранящихся в концептуальных структурах об обозначаемых объектах той или иной категории, не бесконечен, хотя и открыт, что делает не только значение, но и саму концептуальную структуру динамичной. Любопытны в этом плане результаты уже упомянутого диссертационного исследования В. В. Тура, согласно которым латентные признаки, актуализируемые в семантике N + N атрибутивных словосочетаний в современном английском языке, сводятся к определенному набору. В нем наиболее важным типом актуализируемых признаков оказываются вовсе не перцептивные, а функциональные, или, в терминологии Дж. Пустейовского, телические, представленные в разных их подтипах: 1) собственные, 2) побочные, 3) несобственные [5]. За ними следует знание пространственных свойств денотата: осмысление его в качестве объекта-вместилища, территории, пути и т. д., выделение таких его пространственных сегментов, как внутренняя часть, поверхность, пространство вокруг и др. Информация о количественных свойствах денотатов (количественные латентные признаки) (2 %), их конститутивных (1,8 %) и перцептивных (1,2 %) характеристиках в семантике словосочетаний N + N относится к периферийным знаниям, актуализируемым в небольшом числе рассматриваемых сочетаний. Эти наблюдения, по предварительным данным, в значительной мере могут быть экстраполированы на коррелятивные английским N + N словосочетаниям атрибутивные конструкции с относительными прилагательными в русском языке. Ср., например, востребованность конститутивных знаний для понимания словосочетаний *пластиковое окно* (рама

окна сделана из пластика), *стеклянное окно* (основная функциональная часть из стекла), *кирпичное окно* (проем для окна сделан из кирпича).

В завершение необходимо вновь подчеркнуть принципиальное различие словосочетаний композиционного и некомпозиционного типов. Однако, по нашему глубокому убеждению, некомпозиционный характер того или иного словосочетания отличается от композиционного лишь тем, что требует обращения ко всей концептуальной структуре, лежащей в основе семантики его компонентов, и определения тех видов знаний, которые необходимым образом в нем актуализируются. Иными словами, некомпозиционный тип словосочетания становится композиционным, но на более глубоком уровне концептуального анализа. Можно утверждать, что это композиционные сочетания второго уровня. Соответственно важным итогом проведенного анализа представляется задача разработки такой типологии композиционных словосочетаний второго уровня, для которой базовым критерием были бы типы актуализируемых в контекстах знаний, с описанием синтаксических и лексико-семантических условий их актуализации. Тем самым мы вплотную подойдем к описанию механизмов, обеспечивающих носителям языка способность адекватно расшифровывать сложную бесконечность человеческой мысли, экономно упакованной в языковых поверхностных структурах.

1. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование / Е. А. Земская. – М.: Просвещение, 1973.

2. Киклевич А. К. Амбисемия в словообразовании / А. К. Киклевич // *Slavische Wortbildung im Vergleich. Theoretische und pragmatische Aspekte* / hrsg.: S. Mengel. – Berlin: LIT-Verlag Dr. W. Hopf, 2014. – *Slavica Varia Halensia*, Bd. 12. – S. 143–162.

3. Кубрякова, Е. С. Об особенностях композиционной семантики у производных слов / Е. С. Кубрякова // *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik: Materialien der 5. Intern. Konf. der Kommiss. für slavische Wortbildung beim Intern. Slavistenkomitee, Lutherstadt Wittenberg, 20–25. Sept. 2001* / hrsg.: S. Mengel. – Münster: Lit, 2002. – S. 55–71.

4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1998.

5. Тур, В. В. Актуализация латентных признаков в семантике компонентов сочетаний «существительное + существительное» в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / В. В. Тур; Минск. гос. лингв. ун-т. – Минск, 2015.

6. Турчинская, М. В. Структурно-семантические и прагматические характеристики лексических парадигм в английском и белорусском языках (на материале наименований живых существ противоположного пола) / М. В. Турчинская (в рукописи).
7. Харитончик, З. А. О метонимическом синкретизме, или тождестве и отдельности лексических значений / З. А. Харитончик // Английский лексикон в когнитивно-дискурсивной парадигме: сб. науч. тр. – М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 2001. – С. 38–45.
8. Харитончик, З. А. О рефлексии лексических значений компонентов в семантике аффиксальных производных / З. А. Харитончик // *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik: Materialien der 5. Intern. Konf. der Kommiss. für slavische Wortbildung beim Intern. Slavistenkomitee*, Lutherstadt Wittenberg, 20–25. Sept. 2001 / hrsg.: S. Mengel. – Münster: Lit, 2002. – S. 73–84.
9. Щерба, Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л. В. Щерба // *Языковая система и речевая деятельность* / Л. В. Щерба; под ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. – Л.: Наука, 1974. – С. 24–39.
10. Evans, V. and M. Green. *Cognitive Linguistics: An Introduction* / V. Evans and M. Green. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006.
11. Langacker, R. W. *An Introduction to Cognitive Grammar* / R. W. Langacker. – Cognitive Science. – № 4. – 1986. – P. 1–40.
12. Langacker, R. W. *Concept, Image, and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar* / R. W. Langacker. – Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter, 1991. – (Cognitive Linguistics Research 1).
13. *Longman Dictionary of Contemporary English*, 2003, new edition.
14. Lyons, J. *Semantics* / J. Lyons // *New Horizons in Linguistics 2* / J. Lyons, R. Coates, M. Deuchar, G. Gazdar (eds). – Penguin Books, 1987. – P. 152–178.